

Саша Ардаша

МИШКА

18+

Саша Ардаша

МИШКА

<https://litres.ru/74066589>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга о взрослении, о цене жизненного опыта и о том, что настоящее счастье часто скрывается не в больших победах, а в простых вещах: тёплом доме, искреннем разговоре и человеке, который ждёт тебя вечером.

Саша Ардаша

мишка

Глава 1

Школа была с горем пополам окончена, аттестат лежал в кармане. Поступать куда-либо не было ни денег, ни желания, а армия уже маячила на горизонте. Вот она, моя путёвка в жизнь выбирай не хочу. Шёл я такой счастливый: очередные каникулы нарисовались. Домой идти не хотелось мать достала своим вечным нытьём: «Иди работать». А на работу не брали ни стажа, ни профессии.

Мишка, стой! услышал я голос соседа. Обернувшись, увидел его в окне.

Чего надо? крикнул я. Иди сюда. Подошёл. Сгоняй к бабке Тоне за самогоном.

Он кинул мне деньги. Сосед был человек уважаемый, не запаadlo было и помочь.

Принёс ему бутылку. В доме песни поют, гуляют. Покричал не слышат. Зашёл внутрь. Увидев пузырь, гуляющая компания обрадовалась. Мишка, молодец! закричал сосед. Иди сюда. Он взял у меня бутылку, налил стопку. Пей.

Я понюхал вонючий самогон и хлебнул. Сразу стало хорошо. Налили ещё, но больше пить не стал. Они были заняты своими разговорами и разборками, а я сидел и слушал. Было интересно узнать, о чём говорят взрослые люди и чем живут.

Когда споры закончились и все начали зевать, обо мне вспомнили. Налейте ему.

А у меня стопка так и стояла полной. А ты чего не пьёшь? спросил какой-то мужик. Не хочу, ответил я. Он оглядел присутствующих. Чей это малой?

Да соседский пацан, ответил сосед. Каникулы? Да нет, школу закончил. Свобода...

Я улыбнулся. Свобода, говоришь? хмуро произнёс мужик. В бригаду ко мне пойдёшь? Он прищурился и выставил вперёд громадные кулаки. В моём понимании бригада это была банда бандитов. Я испугался и невольно втянул голову в плечи. Увидев мой испуг, он громко расхохотался. Не дрейфь. На шабашку пойдёшь. Дорогу строить. Я пожал плечами. Терять было нечего. Всё равно рано или поздно заберут в армию, а тут такой случай шабашка, да ещё с приключениями. Пойду, сказал я. Да куда ты его тащишь? Это же пацан, ничего не умеет, возразил сосед. Я только хмыкнул.

А ну-ка, пей, сказал мне мужик.

Я посмотрел на стакан и ответил: Нет. Пить не буду. Он расхохотался. Слабак! крикнул он и ударил ладонью по столу. Я вздрогнул и снова втянул голову в плечи.

Не буду пить, повторил я. Мужик засмеялся ещё громче. Всё, беру тебя на работу!

Он стукнул кулаком по столу. Мне нужны непьющие. Моей радости не было предела. Я пулей помчался домой и, едва переступив порог, закричал матери, что меня взяли на работу. Она сначала не поверила, потом улыбнулась и только покачала головой: Ну наконец-то. Теперь человеком станешь. А я уже не слушал. В голове крутились совсем другие мысли. Первая зарплата, собственные деньги, новые знакомства, взрослая жизнь всё это казалось таким близким и настоящим. Я схватил старый рюкзак и начал собираться. Особо брать было нечего: сменная одежда, кружка, зубная щётка да несколько необходимых мелочей. Складывая вещи, я чувствовал себя путешественником, который отправляется навстречу неизвестности. Вечером долго не мог уснуть. Перед глазами стояли цеха, станки, незнакомые люди и завтрашний день. Впервые в жизни меня ждали не уроки и контрольные, а настоящая работа. И от этой мысли внутри одновременно было и страшно, и радостно. Утром я поднялся раньше бу-

дильника. Быстро умылся, закинул рюкзак за плечи и вышел на улицу. Свежий воздух бодрил. Солнце только поднималось над крышами домов, а я уже шагал навстречу своей первой взрослой жизни. Рокот дизельного мотора я узнал сразу в школе был такой. Подъехал бус, старенький «Фольксваген». Открылась дверь, и салон принял меня в своё нутро. Мать, стоявшая у калитки, испуганно перекрестила меня вслед. Найдя свободное место, я рухнул на сиденье повидавшего виды немецкого народного автобуса и с восторгом оглядел своих попутчиков. Но это было сборище пьяных мужиков. Впрочем, я тоже мужик, поэтому это меня не пугало. Когда мне объявили, что меня взяли в бригаду, я не поверил. Даже когда лёг в постель, ещё долго ворочался, потому что мечты и думы бороздили мою голову, не давая уснуть. И вот теперь, болтаясь на сиденье старого автомобиля, я быстро уснул. Проснулся от голода. Нет, пить я не хотел. С детства привык обходиться без воды. В салоне машины воняло перегаром, играла какая-то музыка, а я, уставившись в окно, наблюдал за зелёными пейзажами, мелькавшими за стеклом. Ну вот машина съехала с трассы и остановилась у стоянки техники. Все сразу проснулись, как по расписанию. Но я был моложе их, поэтому со своим лёгким рюкзаком выскочил быстрее всех и бегом пустился к помещению, которое первым выцепил взглядом. Опорожнив мочевой пузырь, облегчённо вздохнул. Стряхнув последние капли, вышел из помещения, такого необходимого на любой стройке, да и вооб-

ще в жизни. Перед моим взором предстала стоянка автотехники. Несколько грузовиков, вагончик и ещё один вагончик на колёсах. Это была стоянка ремонтной бригады. У съезда с автодороги маячил знак: «Ремонт дороги. объезд». Постепенно в ушах начали различаться звуки нового для меня мира. Где-то рокотал трактор. Со стороны техники доносились отборные маты. Кто-то громко смеялся. Металл звенел о металл. И вдруг над всей этой какофонией раздался чей-то хриплый крик: Мишка! Ты где, сорванец?! Крик перекрыл даже рёв двигателя. Я обернулся и впервые почувствовал, что оказался не просто на работе, а в совершенно другом мире ,мире мужиков, техники, пыли и дороги. Среди всей этой неразберихи возвышалась фигура Егорыча. Это был наш бригадир и человек, который взял меня на работу. Я подбежал к нему. Я здесь! Я поссать отбежал! радостно объявил я. Он обнял меня за плечи и, улыбнувшись, сказал: Молодец. Вовремя поссать это уже полдела. После чего повёл меня к вагончику. Достав ключ, он показал его мне и торжественно вручил в руки. Открывай, объявил он таким тоном, словно вручал мне золотой ключик от сказочной двери. Но когда я открыл дверь вагончика, то обомлел. В небольшом тамбуре, разделявшем вагон на две части, стояло ружьё, а рядом висел патронташ. Я невольно отпрянул и натолкнулся спиной на живот Егорыча. Не дрейфь, пробасил он и подтолкнул меня своим твёрдым животом вперёд. Я поднялся по ступенькам в нутро вагона и пошёл налево. Молодец, зна-

ешь куда идти, услышал я его голос. Открыв дверь, я увидел полки, забитые продуктами, консервами, крупами и ящичками с водой. Получив лёгкий пинок под зад, я оглянулся. Егорыч уже открыл дверь в другой отсек и ковырялся среди полок с запчастями. Заглянув через его плечо, я увидел помещение, заполненное инструментом, канистрами, коробками и какими-то материалами. Это склад, объявил мне Егорыч. А ты теперь завсклад. Понял? Я молча кивнул, ещё сильнее сжимая в руках ключ. Когда он вышел из вагона, я тщательно запер дверь и выпятил грудь от собственной важности. Всё-таки не просто рабочий, а целый заведующий складом. Но на стоянке кипела работа. Все куда-то бежали, ругались, заводили технику, таскали железки. Никто даже не заметил моего великого назначения. Гордость быстро сдулась, а её место занял голод. Запах, доносившийся из второго вагончика, настойчиво напоминал, что со вчерашнего дня я ничего не ел. Ноги сами понесли меня туда. Поднявшись по ступенькам, я вошёл внутрь и увидел стол, две длинные лавки и плиту. У плиты стояла толстозадая тётка и что-то колдовала над кастрюлями. Обернувшись, она посмотрела сначала на меня, потом на ключ в моей руке и широко улыбнулась. Кладовщик, значит? объявила она вместо приветствия. Угу, ответил я. Садись. Я сел. Через секунду передо мной возникла глубокая алюминиевая тарелка с борщом, украшенным белым пятном сметаны. Для тебя я тётя Маша, сообщила женщина. Я не стал ничего отвечать и сразу отправил первую

ложку борща в желудок. Стало хорошо. Мир преобразился. Борщ оказался самым вкусным блюдом на свете. Жизнь снова обрела смысл. Пока я ел, лавки постепенно заполнялись рабочими. Вдруг над самым ухом прогремел басовитый голос: Поел место освобождай! Я схватил кусок хлеба и буквально вылетел из вагончика. Душу и сознание переполняли звуки, запахи, новые лица и чувство восторга от всего происходящего. Первый рабочий день только начинался, а мне уже казалось, что я попал в совершенно другой мир.

Глава 2

Оглядев пространство вокруг, я увидел мужика в чреве трактора. Подошёл к нему. Он вытер руки от масла, внимательно оглядел меня и, заметив ключ в моей руке, улыбнулся. Могёшь на этом монстре робить? спросил он. Я нахмурился. Не понравилось мне, что меня приняли за несмышлёныша. Не говоря ни слова, я вскочил в кабину. Мужик поднялся следом и подвинул меня своим широким задом. А ну покажь, пробасил он. Это был трактор. Пусть и не русский, но всё же трактор, а не самолёт. На наших тракторах всё было просто два рычага и три педали. Но здесь я немного растерялся. Руль был как на «Беларуси», а вот рычагов оказалось гораздо больше. Нахмутив брови, я внимательно взгляделся в приборную панель. Среди наклеек и обозначений заметил инструкцию производителя. Подумал немного, выжал педаль, включил передачу и осторожно тронул машину. Трактор медленно лязгнул гусеницами и сдвинулся с ме-

ста. Мужик молча наблюдал за мной несколько минут. Потом ко мне потянулась замазученная ладонь. Юра. Миша, ответил я. Так мы и познакомились. Юра показал мне, как управлять ковшом и клыком, который висел сзади. Ничего особо сложного не оказалось. Всё-таки это был не самолёт. Освоился я быстро. И уже подъезжая обратно к стоянке, снова надул грудь от гордости. Всё-таки не каждый пацан в первый день работы управляет такой машиной. Но, как назло, никто моей гордости опять не заметил. Поставив трактор возле вагончика, я заглушил двигатель и спрыгнул с гусеницы. Юра сразу скрылся за дверью столовой. А я остался стоять посреди стоянки. Стрекотали кузнечики. Светило солнце. Пахло горячей соляркой, пылью и нагретым железом. И почему-то именно в тот момент мне показалось, что жизнь наконец-то начинается. На стоянке я ещё раз осмотрел технику. Рядом стояли автоцистерны с надписями «Вода» и «Топливо». Мишка, иди сюда! услышал я басовитый голос Егорыча. Я обернулся и подбежал к нему. Он хлопнул меня по плечу и наставительно произнёс: Не бегай как шестёрка. Теперь ты моя правая рука, понял? И крепко сжал мне плечо своей могучей ладонью. Было больно, но я терпел, стиснув зубы. Егорыч заметил это, улыбнулся и потрепал меня по волосам. Мужик, выдавил он из своей широкой груди. После этих слов я готов был горы свернуть. Он повёл меня к цистерне с надписью «Вода». Достав ключ, открыл металлический ящик, и перед моим взором предстала настоящая

заправочная колонка. На верёвочке рядом висел потрёпанный блокнот. Егорыч открыл его и ткнул пальцем сначала в счётчик, потом в записи. Вот цифры на сейчас. Заправил записал. Понял? Я посмотрел на показания счётчика. Напротив каждой машины и единицы техники были аккуратно записаны цифры расхода. Понял. Не дурак, ответил я. В ту же секунду получил лёгкий подзатыльник. Ты мой зам и не можешь быть дураком. После чего он торжественно вручил мне ключ на кожаном ремешке. Я важно закрыл ящик и сразу повесил ключ себе на шею. Егорыч довольно улыбнулся. Права есть? Я гордо кивнул. В, С и на трактор. Он так хлопнул меня по плечу, что я отлетел на метр. Молоток, вынес он свой вердикт. После чего развернулся и скрылся в спальном отсеке вагончика. Я остался один. Обойдя вагончик, увидел большую армейскую палатку. Из неё уже доносился дружный храп мужиков, словно где-то рядом работала целая лесопилка. Неподалёку стояла ещё одна палатка, поменьше. Я заглянул внутрь. Там не было ни кроватей, ни вещей. Только земляной пол и пустота. Солнце медленно клонилось к горизонту. Стрекотали кузнечики. Где-то вдалеке урчала техника. На шее приятно покачивался ключ от склада и колонки, а я вдруг поймал себя на мысли, что за один день стал здесь почти своим человеком. Я ещё раз заглянул в пустую палатку. Внутри пахло брезентом, пылью и нагретой за день землёй. Постояв немного на входе, я вышел наружу и уселся на деревянный ящик. День клонился к вечеру. Мужики после сме-

ны расползлись кто куда. Одни уже храпели в палатке, другие сидели возле вагончика и негромко переговаривались. Иногда раздавался смех, потом снова наступала тишина. Я сидел и разглядывал свой ключ на кожаном ремешке. В тот день мне казалось, что ничего ценнее у меня ещё не было. Не велосипед, не магнитофон, не карманные деньги. Настоящий ключ. От склада, от воды, от хозяйства целой бригады. Я перебирал его в руках и представлял, как завтра буду открывать склад, выдавать инструмент и записывать заправку техники. Вдруг дверь вагончика распахнулась. На пороге появился Егорыч. Чего расселся? Да так... Да так только мухи женятся, буркнул он. Пошли. Я вскочил и поспешил за ним. Мы обошли вагончик и подошли к стоянке техники. Солнце уже садилось, окрашивая машины в красноватый цвет. Егорыч остановился и медленно обвёл рукой всё хозяйство. Видишь это всё? Я кивнул. Трактора, грейдера, катки, цистерны, инструмент, солярка, вода. Всё денег стоит. Больших денег. А воруют тут всё, что плохо лежит. Он посмотрел на меня внимательно. Поэтому глаз да глаз нужен. Я снова кивнул. Не подведёшь? Нет. Вот и хорошо. Некоторое время мы молча стояли. Потом Егорыч неожиданно спросил: Есть хочешь? Я честно ответил: Всегда. Он засмеялся так громко, что из палатки кто-то недовольно выругался. Это правильно. Молодой организм должен жрать. Мы пошли к столовой. Тётя Маша как раз мыла посуду. Увидев нас, она покачала головой. Опять проголодался? Он ещё не наелся, ответил

за меня Егорыч. Через пару минут передо мной уже стояла кружка сладкого чая и несколько толстых кусков хлеба. Я ел молча. За окном быстро темнело. На стоянке один за другим гасли огни. Где-то далеко по трассе проносились машины, оставляя после себя едва слышный гул. Когда я вышел из вагончика, над степью уже загорались первые звёзды. Я поднял голову и долго смотрел в небо. Впереди была первая ночь на работе. И почему-то совсем не хотелось домой.

Глава 3

Машины ехали по объездной дороге с другой стороны трассы, и поднятая ими пыль мерцала в свете фонарей. Неожиданно одна из машин свернула в нашу сторону. Фары ударили мне прямо в глаза. Я прикрылся рукой, но уже через секунду услышал знакомое лязганье плунжеров дизеля и шелест камней под шинами.. Наш бусик. Щёлкнула дверь. Наступила короткая тишина после заглушенного мотора. А затем раздался женский смех. Потом ещё один. Кто-то весело взвизгнуло. И словно по команде вся рабочая площадка ожила. Из палаток полезли мужики. Кто-то на ходу застёгивал рубаху, кто-то натягивал сапоги. Со всех сторон слышались голоса, шутки и смех. Палатка поменьше быстро поглотила в себя шумную толпу. Любопытство пересилило меня. Я подошёл ближе и заглянул внутрь. Посреди палатки стоял длинный стол. На лавках сидели наши мужики вперемешку с девчонками. На столе лежала нехитрая закуска: хлеб, сало, огурцы, консервы. Посередине красовался огромный бутыль

самогона. Я настолько удивился увиденному, что невольно отшатнулся от входа и спрятался в тени вагончика. Через минуту раздались первые звуки гармонии. Женский смех стал ещё звонче. Кто-то уже пытался подпевать. Кто-то стучал кружкой по столу. А я стоял в темноте и никак не мог понять происходящего. Потом тихо пошёл к столовой. Внутри никого не было. Я сел на лавку и уставился в стол. «Это что же за работа такая?» думал я. Полдня мужики спали. Теперь вот пьют самогон и гуляют с девками. А я-то представлял себе суровую стройку, где люди день и ночь машут лопатами и ремонтируют дорогу. Из палатки донёсся дружный хохот. Потом загремела гармонь. Кто-то запел протяжную песню. Я покачал головой. Чем больше проходил этот день, тем сильнее мне казалось, что я попал не на работу, а в какой-то отдельный мир со своими законами, правилами и порядками, о которых мне ещё только предстояло узнать. Сквозь этот шум я сам не заметил, как уснул прямо на лавке. Разбудил меня звук открывающейся двери. Я открыл глаза и увидел в проходе мужика. По запаху и мутному взгляду было понятно пьян. Мишка, давай развози девок по домам, объявил он. Сон ещё не до конца отпустил меня, но слова Егорыча о том, что я его правая рука и не должен бегать как шестёрка, крепко засели в голове. Поэтому я огрызнулся: Ты привёз, ты и развози. Мужик зло посмотрел на меня. Несколько секунд мы молча сверлили друг друга взглядами. Потом он сплюнул на пол. Ну ты и гнида, процедил он сквозь зубы. Развернулся

и выскочил наружу. Мне сразу стало стыдно. Всё-таки человек старше меня. Да и что я о себе возомнил за один день работы? Но долго размышлять не пришлось. Открылась дверь спального отсека. На пороге появился Егорыч. Он был сонный, взъерошенный и явно недовольный тем, что его разбудили. Оглядевшись по сторонам, он громко крикнул в темноту: Матвей! Снаружи сразу стало тихо. Через несколько секунд из темноты появился тот самый мужик. Теперь на его лице уже не было злости. Только виноватая улыбка. Егорыч медленно посмотрел на него. Пацана не трож. Зашибу. Сказал он это спокойно, без крика. Но от его голоса у меня по спине пробежали мурашки. Матвей только кивнул. Понял, Егорыч. И машину не тронь до утра. Так девок же... Утром Мишка развезёт баб, перебил его бригадир. А сейчас гуляйте. Завтра работать надо. Матвей вздохнул, махнул рукой и растворился в темноте. Из палатки снова донеслись голоса и смех. Егорыч посмотрел на меня. Обиделся? Нет. Вот и правильно. Он подошёл ближе и положил тяжёлую ладонь мне на плечо. Здесь, Мишка, главное голову не терять. Мужики сегодня гуляют, а завтра в пять утра все будут на ногах. Такая работа. Я молча кивнул. Егорыч ещё немного постоял рядом, потом зевнул и направился обратно в свой отсек. У самой двери он остановился. И это... Спасибо, что ключи никому не отдал. После этих слов он исчез за дверью. А я ещё долго сидел на лавке и слушал ночные звуки дорожной бригады. Где-то за трассой выли собаки. По дороге проносились

редкие машины. В палатке надрывалась гармонь. А на шее у меня покачивался ключ на кожаном ремешке первый ключ от первого настоящего дела в моей жизни.

Глава 4

Сон был потерян. Я вышел на улицу. В палатку идти не хотелось. В душе поселились обида и страх. «Гнида» слово неприятное. Почти приговор. А что если мужики обидятся? Начнут подкалывать? И стану я изгоем в этом маленьком новом мире? Я бродил между вагончиками, слушая далёкую гармонь и смех из палатки. Ты кто? неожиданно раздался из темноты пьяный женский голос. От неожиданности я вздрогнул. Мишка, ответил я. А что здесь делаешь? спросил голос, слегка икая. Работаю. А чего такой худой? Из темноты выступил силуэт девушки весьма внушительных размеров. Лица я почти не видел, зато запах самогона почувствовал сразу. Как тебя зовут? спросила она, подходя ближе. Миша. Миша, помоги мне до кровати дойти. И прежде чем я успел что-то ответить, она повисла у меня на шее. Куда её вести, я не знал. В вагончике спал Егорыч. Оставалась только палатка. Поэтому я осторожно поволок свою неожиданную попутчицу в сторону спального места. В темноте мы оба запутались в порожке палатки. Я споткнулся. Девушка ойкнула. И через секунду мы вместе рухнули на матрасы, расстеленные на полу. Тьфу ты! выругалась она. Из разных углов палатки сразу послышались недовольные голоса. Да угомонитесь вы там! Спать дайте! Нашли время бороться! Кто-то запустил в нашу

сторону сапогом. Сапог пролетел мимо и ударился о стойку палатки. Дружный хохот прокатился по темноте. Я быстро поднялся на ноги. Всё, пришли, объявил я. Спасибо, Мишка, пробормотала девушка, уже устраиваясь на матрасе. Я стоял в темноте а сердце вырывалось из груди потому что в запахе перегара и невымытых но мой нос вырвал нотки амбре женского тела. Он с детства волновал меня и я часто представлял себе как буду обладать женским телом. Но одноклассницы всегда смеялись надо мною. А девушки постарше не подпускали к себе да и я стеснялся. А вот теперь рядом со мной женщина. Она лежит и пахнет. Как я присел и запустил ей руку под блузку я не понял. Наверное так становятся взрослыми. Моя ладонь ощутила мягкую и нежную кожу женской груди. Твердый сосок и комки внутри груди возбудили меня до звона в ушах . Как я лег и сняв трико я не помню. Сознание помутись потому, что мною овладела первозданная похоть. И я как дикий зверь, почувствовав самку действовал согласно инстинктам Приспустив ей штаны я оседлал ее и запустил своего младшего братишку в ее влажную норку. Волна наслаждения накрыла меня. Мое тело проникало в чужое теплое и приносящее наслаждение пространство. А вырвавшаяся струя затуманила мой мозг. Первая мысль которая посетила меня после оргазма это что делать. А вдруг она залетит и мне продеться на ней жениться. Это что всю жизнь жить с толстой бабой, да еще и гулящей. От испуга я стал вытирать ей промежность . Но слизь не убывала наматыва-

ясь на руки. Пришлось нащупать в темноте портянку и вытереть ее досуха. С чувством исполненного долга я выскочил из палатки. Я выбрался наружу под новый взрыв смеха. Ночное небо было усыпано звёздами. Возле палатки стрекотали кузнечики. Гармонь наконец замолчала. А я стоял посреди стоянки и думал, что первый рабочий день оказался гораздо интереснее, чем можно было представить утром, когда мать крестила меня у калитки и бросился в столовую. Закрыв за собой дверь я как загнанный зверь забился в угол и ждал воя милицейской сирены. Так в страхе и тревожных мыслях я незаметно уснул.

Глава 5

Разбудил меня звук открывающейся двери. Я открыл глаза и увидел Егорыча. Он остановился надо мной, несколько секунд разглядывал меня, а потом широко улыбнулся. А ты время не терял, заявил он вместо приветствия. Я не сразу понял, о чём он говорит, а потом вспомнил ночное происшествие с девушкой и покраснел. Егорыч только хмыкнул. Ладно. Давай собирай баб и вези в посёлок. Это был не приказ, а окончательный вердикт. Сказав это, он направился будить мужиков. Через минуту по стоянке уже летали его команды и крепкие выражения. Брезжил рассвет. Над степью растекалась прохлада. Один за другим оживали двигатели. Зарычали трактора. Застучали дизели грузовиков. Дорожная бригада, пользуясь ранним утром и редким движением по трассе, приступала к работе. А я сидел за рулём нашего видавшего

виды бусика и вёз сонную компанию женщин в посёлок. В салоне царило молчание. Кто-то дремал, прислонившись к стеклу. Кто-то зевал. Кто-то тихо переговаривался с соседкой. Я же отчаянно боролся со сном и каждые несколько минут протираю глаза. Поворот на посёлок Родник был без всяких указателей. Если бы Егорыч не объяснил дорогу, я бы точно проехал мимо. Наконец показались первые дома. Потом магазин. Потом автобусная остановка. Я остановил бусик возле магазина и, стараясь выглядеть по-хозяйски, объявил: Приехали. Женщины зашевелились. Но увидев контуры магазина зло зашипели ты что дурак вези задами. Ощувив опасность ситуации я рванул по газам и завернул с главной улицы. Одна за другой девушки начали выбираться наружу. Некоторые благодарили меня. Другие просто махали рукой на прощание. Через пару минут в салоне осталась одна девушка деловито осмотрев меня она произнесла по дороге до конца и на лево . Когда мы подъехали к её дому, она неожиданно улыбнулась и сказала: Пошли, чаем напою. Сердце у меня забилось чаще. Егорыч про чай ничего не говорил, но и возвращаться на стоянку он не торопил. Да и выглядеть передней слюнтяем не хотелось. Поэтому я молча пошёл за ней. Ключ от двери лежал под ковриком. Мы вошли в дом. Внутри сразу ударили в нос чужие запахи и незнакомая, непривычная мебель. Всё было как-то по-другому не как у нас, не как в вагончиках и палатках. Проходи на кухню, сказала она и ушла в соседнюю комнату переоде-

ваться, совершенно не смущаясь моего присутствия. Платье слетело с нее на спинку кровати а я смотрел на ее белую спину в черных трусах. Я неловко остановился в коридоре, потом всё-таки прошёл на кухню и сел на табурет. Она вышла в халате. Будешь кушать? спросила она уже из кухни хозяйским тоном, не дожидаясь ответа. И тут же зажгла газовую плиту. На сковородку легли куски сала, зашипели, зашкворчали, наполнив кухню густым домашним запахом. Она разбила туда два яйца, накрыла крышкой и быстро достала из холодильника что-то ещё. Чай будешь? спросила, поставив на стол чашку. Я только кивнул. Чайник зашумел на огне. Она поставила передо мной чашку с рыбой и села напротив, облокотившись на руки и внимательно разглядывая меня. В её взгляде уже не было шума и ночной суеты. Было что-то спокойное, почти домашнее. Ты кто такой? спросила она наконец. Мишка, ответил я и немного улыбнулся. Сам не понял почему, но напряжение куда-то ушло. Лицо у неё было простое, веснушчатое, совсем не злое и не чужое. И в этот момент она показалась мне обычным человеком не частью той ночной суматохи, а чем-то совсем другим, настоящим и тёплым. Сковорода тихо шкворчала. Ешь рыбу сказала она и пододвинула чашку. Я взял вилку и поковырял куски рыбы. Она усмехнулась ешь руками поди не बारे . Отложив вилку я взял кусок рыбы и запустил в нее зубы. Яркий и сочный вкус селедки окутал мой рот . Увидев в моих глазах восторг она произнесла это пелядь наша речная селедка сама соли-

ла. А у вас тут рыба есть спросил я. Да ответила она река и озеро недалеко . Потом встали и подошла ко мне вплотную . Я ощутил запах ее пота от ткани халата. Ее пухлые ладошки стали расстёгивать халат оголяя большие груди с розовыми сосками и трусов на ней уже не было. Подняв свои руки в рыбьем жиру я замер. Она облизала мои пальцы и положила на свои груди. Восприняв это как сигнал я стянул трико и она села на мой стояк .Я почувствовал уже узнаваемый запах вагины. Стул жалобно скрипел под нами. Стул сломает объявила она вставая. Я проследовал за ней в не заправленную кровать и ощутил под собой мягкое и теплое тело. Инстинктивно двигая бедрами я целовал ее в мягкие губы и запах перегара не вызывал отвращения . Это был мой второй секс с женщиной и первый поцелуй. Не торопись прошептала она беря меня за бедра своими пухлыми ручками. Теперь процессом управляла она. Ощущения стали хуже но от чувства что мною управляют во время секса пьянило. Внезапно ее глаза закатились скрыв зрачки ,а лицо исказилось в некрасивой гримасе. И из ее груди вырвался гортанный стон Она выгнула спину приподнимая мое тело, и я почувствовал, как ее бедра втягивают меня. Волна наслаждения застило мне мозг и я закрыв глаза зарычал в экстазе оргазма . Уткнувшись в ее мягкую и большую грудь, я ощущал во рту ее сок. Было стыдно смотреть в ее глаза потом что я кончил ей прямо во внутрь и что делать теперь я не знал. Это был мой первый осознанный секс и что теперь продеться на ней

жениться. Я же не брошу своего ребенка, Как бросил мой отец. За окном начинался новый день. Я остался один. Встав с кровати, я нашел свое трико и оделся. Она вошла с мокрыми руками и вытерла их о халат. Сковородка заняла свое место на столе. Меня зовут Настя, сказала она, улыбаясь. Миша, представился я. Она налила чай и села напротив. Взяла из чашки кусочек рыбы и начала есть прямо руками, как будто так и должно быть. Рыба оказалась неожиданно вкусной. Настолько, что на яичницу я даже не смотрел. У меня муж рыбак был, вдруг сказала Настя, не поднимая глаз. Да только утонул пьяный в прошлом году. Теперь совсем одна осталась. Я замолчал. А ты любишь рыбачить? Я задумался. Не знаю... честно ответил я. Рыбалка у меня в памяти была так себе: паутина на удочке, пара пескарей и вечное ожидание, которое всегда заканчивалось ничем. Настя усмехнулась. Хочешь, научу? Хочу, ответил я сразу, даже не раздумывая. Она довольно кивнула, будто ждала именно этого ответа. Тогда заезжай во двор, приказала она с лёгкой улыбкой. Я сидел за рулём и смотрел на просыпающийся посёлок. Машина въехала во двор, и Настя уже деловито выгружала из гаража какие-то мешки. Без лишних разговоров она закинула их в салон, села рядом со мной, и мы поехали по улице. У магазина стоял милиционер. Он заметил нас и махнул палкой. Я остановился. Он подошёл ближе, прищурился. А где Мотя? спросил он. Работает, ответил я. Он перевёл взгляд на меня, принюхался, проверяя на перегар. А ты

кто? Кладовщик, сказал я уверенно. Он огляделся по сторонам, будто что-то вспоминая, потом махнул рукой. Передавай привет Егорычу, сказал он уже без особого интереса, даже с какой-то усталостью. И отступил в сторону, отпуская нас. Я нажал на газ. Машина тронулась, и мы поехали дальше по утренней улице. Настя сидела рядом спокойно, будто так и должно быть будто я всегда возил её по делам, а не впервые оказался в этой роли. Я держал руль крепче обычного. Где-то внутри ещё жило вчерашнее ощущение новая работа, новый мир, новые люди. И каждый новый день в этом мире начинался так, будто ты уже давно здесь живёшь. Но я знал это только начало. По степной дороге мы выехали за посёлок и остановились у камышей у реки. Прикуриватель есть? спросила Настя и, не дожидаясь ответа, вытащила насос, протянув мне штепсель. Компрессор зажужжал, и резиновая лодка стала медленно оживать, принимая форму. Мы быстро погрузили внутрь мешки с сетями. Гребни, приказала она. Я взял вёсла. Лодка разрезала водную гладь, и мы пошли по течению вдоль камышей, пока не вошли в протоку. Вода стала тише, уже не было открытого ветра, только шелест камыша и редкие всплески рыбы. Стой, скомандовала Настя. Она ловко вытащила конец сети и привязала его к стеблям камыша. Гребни обратно. Мы развернулись, и лодка пошла назад, оставляя за собой почти невидимую линию поплавок. Когда сети были поставлены, мы некоторое время просто плыли в тишине. И вдруг в камышах раздался сильный

всплеск. Настя резко повернула голову. Тихо... Мы подплыли ближе. Она осторожно потянула сеть. И уже через минуту в лодке забился крупный сазан килограмма на три, не меньше. Вот и уха, засмеялась Настя. Я впервые за всё время увидел её такой по-настоящему радостной. До конца протоки мы проверили сеть ещё дважды. Ещё две рыбы оказались в лодке поменьше, но живые, сильные, бьющиеся о борт. Лодка слегка качалась, вода плескалась о резину. И в этот момент мне стало ясно, что это уже не просто поездка и не случайная работа. Это была какая-то другая жизнь с рекой, сетью, рыбой и Настей, которая, казалось, знала про неё всё. Рыба тебе другая мне объявила Настя а третья на снасти. Я оставил ее и поехал. Возле магазина уже собирались местные мужики. Кто-то вёз на велосипеде бидоны. По улице важно шагали куры. Из трубы ближайшего дома поднимался дым. Жизнь здесь только начиналась. И вдруг я понял, что впервые нахожусь далеко от дома совершенно один. Без матери. Без друзей. Без привычного двора. Только я, старый немецкий бусик и новая взрослая жизнь, которая наступила как-то неожиданно и без предупреждения. Я улыбнулся, включил передачу и развернул машину обратно к трассе. На стоянке меня уже ждала работа.

Глава 6

Я гордо понёс рыбу на вытянутых руках, будто это был не улов, а настоящий трофей. Егорыч, увидев меня, одобрительно кивнул. Молодец, хозяйственный. Потом усмехнулся:

Ну раз сам поймал сам и чисти. Из полевой кухни выглянула тётя Маша. Ишь ты какой у нас кладовщик деловой, сказала она, заметив рыбу. В первое утро и уже с уловом. Она сразу добавила командным тоном: На тёрку и ножик бери. И чисти в яме подальше, а то мухи налетят. Я кивнул и пошёл выполнять. Рыба оказалась тяжёлой, живая ещё дёргалась в руках, и от этого казалась ещё более настоящей, чем всё, что было со мной раньше. Я нашёл место за вагончиками, где была неглубокая яма. Сел на корточки, разложил нож. Рядом стояла тишина раннего утра. Только где-то вдалеке уже работали тракторы, и гул техники медленно возвращал бригаду в обычный рабочий ритм. Я посмотрел на рыбу. И вдруг поймал себя на мысли, что ещё вчера я даже не представлял, что буду сидеть вот так с ножом, с уловом, среди мужиков, техники и дороги. А теперь это почему-то казалось самым обычным делом. Я начал чистить рыбу. Трактор остановился возле вагончика, и мужики один за другим спрыгнули с прицепа. О, уха! радостно загудели они. Откуда рыба? Машка что, за ночь родила, что ли? Шутки посыпались со всех сторон. Тётя Маша, не растерявшись, огрела ближайшего шутника половником и крикнула: Мишка! Вези обед дежурному! И вручила мне термос. И сам там поешь, добавила она уже тише, подмигнув. Я кивнул и быстро погрузился в бусик. Машина легко сорвалась с места и понеслась по утренней дороге обратно к расположению техники. Уже издалека я увидел, как Матвей поливает из бочки воду на дорогу, что-

бы прибить пыль. Заметив меня, он развернулся и подъехал ближе, потирая руки. От вчерашней злости в нём не осталось и следа. Я разложил на столике бусика хлеб и лук, а когда открыл термос, увидел внутри два куска рыбы. Вот почему тётя Маша так подмигнула мне утром. И почему отправила именно сюда обедать. Откуда рыба? спросил Матвей. И, не дожидаясь ответа, сам себе ответил: У Насти была, да? Я кивнул. Хорошая девка, сказал он задумчиво. Только не повезло ей в жизни. Мужик утонул... вот теперь и мается одна. Он замолчал, глядя куда-то в сторону камышей. Я тоже ничего не сказал. Только хлеб показался мне вдруг особенно вкусным, а рыба какой-то другой, не просто едой, а частью этой странной новой жизни, в которую я так быстро оказался втянут. Матвей молча закурил, прищурившись на дорогу, и какое-то время мы просто сидели рядом с бусиком. Дым тянулся в утренний воздух и тут же растворялся в пыли, которую всё равно не успевали прибить поливальные бочки. Я доел рыбу прямо руками, вытер ладони о штаны и посмотрел на технику. Катки стояли в ряд, как усталые звери. Трактора рычали где-то в стороне. Люди уже разошлись по своим делам, и вся бригада снова вошла в привычный ритм шум, металл, команды, мат и работа. Матвей выдохнул дым и кивнул в сторону дороги. Ты вчера нормально вписался, сказал он спокойно. Я пожал плечами. Да я ничего... просто делаю, что говорят. Он усмехнулся. Вот это и есть главное. Тут много кто хочет умным быть. А ты не суетишься. Я не совсем

понял, это похвала или просто наблюдение, но внутри стало чуть теплее. Вдалеке показался Егорыч. Он шёл быстрым шагом между техникой, как будто всегда знал, куда именно ему нужно, даже если вокруг хаос. Увидел нас, махнул рукой. Мишка! крикнул он. Давай к вагону! Я уже было поднялся, но Матвей остановил меня взглядом. Иди, сказал он. Начальство зовёт. Я кивнул и прыгнул в бусик. По дороге обратно я снова чувствовал себя так же, как в первый день будто меня всё ещё проверяют, принимают, смотрят, справлюсь ли. Егорыч ждал у вагончика. Он стоял, скрестив руки, и смотрел на меня так, будто заранее знал, что я скажу. Ну что, кладовщик, пробасил он. Живой? Живой, ответил я. Он хмыкнул. Это хорошо. Значит, дальше жить будешь. Потом кивнул в сторону склада. Сегодня уже по-настоящему работа начнётся. Не беготня, не поездки. А дело. Я молча кивнул, сжимая ремешок ключа на шее. И вдруг понял, что этот ключ уже не кажется таким тяжёлым и чужим. Он стал просто частью меня. Весь день я крутился как белка в колесе подменял мужиков на тракторах и другой технике, то там, то здесь, где не хватало рук. Июнь стоял жаркий, воздух дрожал над дорогой. Пахло пылью, горячим асфальтом и соляной водой. Мы снимали старое покрытие, складывали его в кучи у обочины. Потом укатывали щебень, мешали его с цементом, проливали водой и снова проходились катками. Технология сухого бетона быстро стала для меня чем-то привычным, почти простым хотя ещё вчера я и слова такого толком не знал.

День тянулся бесконечно, сливаясь в шум моторов, команд и коротких перекуров. Когда совсем стемнело, техника постепенно затихла. Я заправил последние машины, закрыл всё, что должен был закрыть, и наконец сел поесть. Мужики уже давно разошлись по палаткам кто спать, кто просто валиться без сил на нары. Возле кухни остались только я и тётя Маша. Она молча поставила передо мной тарелку макарон по-флотски. Я сел на лавку и только сейчас почувствовал, как усталость навалилась на плечи тяжёлым грузом. Тётя Маша стояла рядом, опершись руками о стол, и наблюдала, как я ем. В её взгляде не было суеты дня только спокойствие и какая-то тихая забота, как у человека, который уже всё это видел сотни раз. Ешь давай, негромко сказала она. Тебе силы нужны. Я кивнул и продолжил есть. За окном уже полностью стемнело. Где-то вдалеке ещё остывала дорога, потрескивал металл, и редкие кузнечики напоминали, что день всё-таки закончился. А я сидел с ложкой в руках и впервые за долгое время чувствовал не просто усталость, а странное спокойствие будто этот тяжёлый, шумный день наконец-то стал моим.

Глава 7

Подошёл Егорыч. Наелся? спросил он, потрепав меня по голове по-отечески. Я кивнул. Он сразу перешёл к делу, как всегда: Сети с Настей выставил? Да. Он даже не уточнял будто и так всё знал наперёд. С утра поедешь проверять, сказал он. Да, ответил я. Проверять надо дважды в день, наста-

вительно добавил он. А то рыба пропадёт. Вода уже тёплая. Я пожал плечами, переваривая его слова. Так что, сейчас ехать? спросил я. Он усмехнулся. Прозевал, сказал он, вставая. Завтра с утра езжай. И ушёл в темноту вагончика, как будто ничего больше объяснять не нужно. Я уснул в ту ночь тяжело, как человек, который за день прожил сразу несколько жизней. А проснулся ни свет ни заря. Сон ещё висел в голове, когда я уже ехал к Насте. Она вышла из дома сонная, растрёпанная, в лёгкой куртке. Что за полуночник? спросила она и, не стесняясь выпавшей из халата груди поцеловала меня в губы.. Я на секунду замер, но виду не подал. Ни кто меня еще не целовал вот так с утра. Мы прошли в дом. Пахло жареной рыбой. Чаю будешь? спросила она. Нет. Рыбу будешь? Нет. Она прищурилась, улыбнулась. А меня будешь. Мое лицо расплылось в улыбке. Заскрипела кровать и снова ее ладошки обхватили мои бедра и задавали ритм. Я давно уже кончил и ждал ее сигнала. Гортанный стон ознаменовали окончание процесса. Ну что за рыбой спросила она. Тогда поехали. И мы снова выехали к озеру, где стояли наши сети. Утренний воздух был холоднее, чем вчера. Над водой ещё лежал лёгкий туман, и камыши казались выше и гуще. Лодка тихо зашуршала по воде. И чем ближе мы подплывали к сетям, тем сильнее становилось ощущение, что этот новый мир уже окончательно стал моим со своими утрами, своей работой и своей рекой. Мы шли по воде медленно, почти бесшумно. Туман цеплялся за камыши, будто не хотел

отпускать реку. Настя сидела впереди и молча работала вёслами. Я смотрел на её спину и на спокойные движения рук уверенные, привычные, как у человека, который с этой рекой давно на «ты». Тут тихо утром, сказала она, не оборачиваясь. Главное время. Я кивнул, хотя она этого не видела. Лодка мягко ткнулась в камыш. Сети были там же, где мы их оставили. Давай, коротко сказала Настя. Я протянул руки и ухватился за край сети. Первые поплавки дрогнули, потом пошли один за другим, как бусины. Вода шевельнулась. И почти сразу стало понятно сегодня не пусто. Есть, выдохнул я. Настя только тихо хмыкнула. Мы тянули вдвоём. Сеть становилась тяжелее с каждым метром, будто река неохотно отдавала своё. И вдруг в воде резко ударило. Лодка качнулась. Осторожно, сказала Настя спокойно. Не рви. Я ещё крепче ухватился за верёвку. Через минуту в сетке забились рыба крупная, сильная, бьющая хвостом так, что брызги летели в лицо. Потом ещё одна. И ещё. Я впервые видел, как утро может начинаться не с кофе или сигареты, а с живой, тяжёлой добычи из реки. Нормально пошло, сказала Настя с удовлетворением. Я не ответил сразу. Просто смотрел, как рыба бьётся в сетке, как вода стекает по верёвкам, как туман медленно растворяется под солнцем. И вдруг поймал себя на мысли, что уже не удивляюсь. Как будто так и должно быть я, лодка, река, сети и эта странная, резкая жизнь, в которой всё происходит по-настоящему. Мы вытащили сеть до конца. Лодка стала заметно тяжелее. Настя откинулась назад и

вытерла ладонью воду с лица. Поедем ещё раз, сказала она просто. И мы поехали дальше вдоль камышей. Мы прошли вдоль камышей дальше, медленно огибая изгиб реки. Туман уже начал рваться на куски, пропуская первые полосы солнца. Вода становилась светлее, прозрачнее, и в ней всё чаще мелькали тени рыбы. Настя снова остановила лодку. Здесь, сказала она коротко. Я уже сам потянулся к сети, будто начал понимать это дело без слов. Мы взялись вдвоём и начали тянуть. Сначала шло легко. Потом верёвка резко потяжелела. Есть... тихо сказал я. Настя ничего не ответила, только сильнее упёрлась ногами в дно лодки. Сеть пошла медленно, будто кто-то с той стороны не хотел её отпускать. И вдруг вода вспухла. Сильный удар, брызги, резкий рывок. Ого... вырвалось у меня. Не зевай, спокойно сказала Настя. Держи. Я вцепился в верёвку так, что ладони сразу заныли. Рыба билась в сети яростно, и лодку качало всё сильнее. Но через несколько минут сопротивление стало слабеть. И вот уже в лодке лежали две крупные рыбины, тяжело дыша и шевеля жабрами. Настя улыбнулась. Сегодня хороший день. Я кивнул. И впервые понял, что слово «хороший» здесь означает совсем не то, что дома. Мы ещё раз проверили участок, но сеть уже почти не давала ничего крупного. Всё, сказала Настя. Хватит. Теперь домой. Она развернула лодку. Мы плыли обратно молча. Солнце уже поднялось выше, туман окончательно растворился, и река стала обычной широкой, спокойной, почти ленивой. Но внутри у меня было другое чувство.

Как будто я сделал что-то важное. Не громкое. Не заметное для других. Но настоящее. Когда мы причалили, Настя первой вытащила мешок с рыбой. Я помог ей молча. И только когда мы уже стояли на берегу, она вдруг посмотрела на меня и сказала: Ты быстро учишься, Миша. Я хотел ответить что-то простое, но вместо этого только кивнул. И понял, что мне это почему-то приятно. Очень.

Глава 8

Машину я загнал прямо к её дому. Рыбу выгрузили в большую чугунную ванну, и она тут же ожила забилась, зашевелилась, ударяя хвостами по воде. Настя спокойно отложила мне четыре рыбины. Потом крикнула: Верка! Рыба нужна! И почти сразу из соседних домов начали подтягиваться люди. Кто-то приносил мешок, кто-то просто подходил посмотреть, кто-то уже сразу выбирал себе рыбу. Всё происходило быстро и по-простому, без лишних разговоров как будто так и должно быть. Когда рыба закончилась, Настя вытерла руки о фартук и крикнула: Маня! Выходи, чё там прячешься! Из дома вышла худая девушка. Подошла медленно, с каким-то странным, почти отрешённым лицом. Познакомься, это Маня, представила её Настя. Маня кивнула мне, не говоря ни слова. Давай, Маня, рыбу почисти, приказала Настя, показывая на мою долю улова. Девушка послушно взяла рыбу и отошла в сторону. Пойдём, сказала Настя мне. Мы вошли в дом. Внутри было прохладно и тихо после уличной суеты. Настя закрыла дверь и на секунду прислонилась к косяку. Да

вот, пояснила она спокойно. Девка приبلудилась. С головой у неё не совсем всё в порядке. Она пожала плечами, как о чём-то обычном. Дура не дура но по дому помогает. И ладно. Я ничего не сказал. Просто посмотрел в окно, где Маня молча чистила рыбу, аккуратно складывая её в таз. И вдруг мне стало как-то странно. Будто этот мир снова показал мне, что здесь всё живёт по своим правилам простым, жёстким и понятным только тем, кто в нём уже давно. Я сел на табурет у стола и невольно наблюдал через окно за Маней. Она чистила рыбу аккуратно, почти без лишних движений, будто делала это не первый год. В её лице не было ни злости, ни радости только какое-то ровное, спокойное отсутствие лишних мыслей. Настя достала кружки, поставила чайник на плиту. Не смотри так, сказала она, не оборачиваясь. Как? Будто впервые людей видишь. Я смутился. Я и вижу... по сути впервые. Настя усмехнулась. Привыкнешь. Она села напротив, опершись локтями о стол. Тут у всех жизнь простая. Кто работает тот живёт. Кто не тянет того подхватывают, как могут. Я кивнул, хотя не до конца понял, о чём она. За окном Маня уже складывала рыбу в таз, тихо шевеля губами, будто разговаривала сама с собой. Она давно у тебя? спросил я. Настя пожала плечами. Пришла сама. Весной. Сидела у магазина. Говорит идти некуда. Она замолчала, потом добавила спокойнее: Я её не выгоняю. Пусть живёт. Работает и ладно. Чайник зашумел. Настя разлила чай и поставила кружку передо мной. Ты тоже не из этих мест, сказала она вдруг. Да...

Вижу. Я отпил чай. Горячий, крепкий, с лёгкой горечью. И впервые за всё время почувствовал, что здесь у каждого есть какая-то своя история не рассказанная, не объяснённая, но всегда рядом, как тень. За окном Маня подняла голову и на секунду посмотрела в нашу сторону. Потом снова вернулась к рыбе. Пойдём, сказала Настя. Куда? Она улыбнулась. Дел ещё много. И я встал, потому что уже понимал: здесь никто долго не сидит без дела. Жизнь сама поднимает тебя со стула. Но Настя повела меня в постель задернув штору. Кровать заскрипела. Услышав шаги мы замерли. Настя я тебе сметаны принесла узнал я голос соседки Веры. Когда шаги удалились мы продолжили. Снова шаги. Шторка сдвинулась и вошла Маня. Уставившись на наши голые тела, она молча разглядывала. Ну чо встала ругала ее Настя иди на кухню посуду вымой. Маня ушла а мы продолжили. Завершив процесс ее стоном мы немного понежились в постели и вышли. Раздались шаги. В дверь вошёл сосед и молча положил на стол кусок мяса. Вот, коротко сказал он. И так же молча ушёл. Я удивился, но Настя только кивнула, будто ничего необычного не произошло. Это у нас так, пояснила она спокойно. Кто рыбу берёт тот чем-то расплачивается. Деньгами редко, чаще вот так. Она убрала мясо в сторону. Если в город поедешь, захвати рыбу, сказала Настя. Или скажи Егорычу. Хорошо, ответил я и кивнул. Я взял уже почищенную рыбу, загрузил в машину и поехал обратно на стан. Дорога казалась короче, чем обычно. Будто всё теперь стало привычнее

и руль, и пыль, и утренний гул техники. На стоянке меня встретили как своего. Ребята работали. Я выгрузил рыбу, и через какое-то время на столах появилась жареная уха и свежая рыба. Молодец, похвалил меня Егорыч, проходя мимо. Тётя Маша довольно закивала: Ай, кладовщик у нас золото. Скоро светиться будем от фосфора. Мужики засмеялись. А я впервые почувствовал, что это уже не случайность и не первый день. Это теперь моя работа. И, похоже, моя жизнь тоже. После обеда жара снова навалилась на стан. Асфальт начал мягко блестеть, будто его только что пролили маслом, и воздух над дорогой дрожал. Я уже почти не замечал, как меня бросают с одного дела на другое то воду подогнать, то инструмент, то трактор завести, то просто постоять рядом, пока кто-то чинит технику. Егорыч ходил по стоянке, как хозяин большого, шумного хозяйства. Иногда бросал короткие команды, иногда просто кивал и этого было достаточно, чтобы всё вокруг двигалось. Мишка! крикнул он ближе к вечеру. Сюда иди! Я подошёл. Он стоял рядом с грейдером и о чём-то говорил с механиком. Смотри, ткнул он пальцем в машину. Это теперь твоя зона тоже. Не только склад и вода. Я нахмурился. Я же... кладовщик. Егорыч усмехнулся. Здесь нет "только". Здесь есть "надо". Механик молча посмотрел на меня, будто оценивая, выдержу ли. Справишься, коротко сказал он. И снова ушёл под капот. Я остался рядом с Егорычем. Он закурил и посмотрел на дорогу. Ты быстро втянешься, сказал он уже спокойнее. Главное не тормози. Я

кивнул. Где-то вдалеке снова зашумела техника, и этот шум уже не казался чужим. Он был как фон постоянный, живой, рабочий. К вечеру солнце начало уходить за степь. И тогда я вдруг понял простую вещь: я больше не наблюдаю. Я участвую. И от этого почему-то стало и страшно, и хорошо одновременно. К вечеру техника начала стихать.

Один за другим трактора сбрасывали обороты, катки вставали в ряд, как уставшие звери после долгого бега. Люди расходились по своим привычным точкам кто к вагончику, кто к палаткам, кто просто садился прямо на ящики, молча переводя дух. Воздух стал мягче, прохладнее. Пыль осела, и дорога впервые за день перестала дрожать. Я стоял у воды и мыл руки в бочке, когда подошёл Егорыч. Он не сказал ничего сразу. Просто посмотрел, как я умываюсь, и кивнул. Ну что, живой? Живой ответил я. Он хмыкнул. Значит, нормально работаешь. Потом ткнул пальцем в сторону вагончика. Пошли, ужин. Столовая уже наполнилась людьми. Запах еды снова смешался с усталостью дня. Мужики ели молча, кто-то уже полусонный, кто-то ещё обсуждал технику и завтрашние планы. Тётя Маша поставила передо мной тарелку. Ешь, герой, сказала она без насмешки. Сегодня тебя по всей линии гоняли. Я сел и только сейчас почувствовал, как сильно устал. Руки тяжёлые, плечи гудят, ноги будто не мои. Но внутри было странное чувство не опустошение, а наполненность. Как будто день был не потрачен, а прожит полностью. Рядом кто-то громко зевнул. Гармонь в палатке начала ти-

хо играть, уже без плясок, просто для фона. Егорыч сел напротив меня, налил себе чаю. Завтра так же будет, сказал он спокойно. Я посмотрел на него. Всегда так? Он усмехнулся. Пока дорога не кончится всегда так. Я кивнул и взял ложку. За окном окончательно темнело. И где-то там, за палатками, за техникой и пылью, оставался ещё один день, который я уже не боялся.

Глава 9

Утром я поехал к Насте. Солнце только поднималось, дорога была ещё пустая, и машина шла легко, без пыли и суеты. Мы проверили сети улов оказался хороший, даже лучше, чем вчера. Настя довольно кивнула. Сегодня в город повежём, сказала она. Пока живая. Я молча согласился. Решили не тянуть. Егорыч ещё вчера вечером поручил мне купить запчасти на КамАЗ, который встал посреди смены, и я понимал это теперь моя отдельная задача. Мы погрузили рыбу в машину и поехали в город. На базаре Настя уверенно выгрузила товар. Я тут сама, сказала она спокойно. Ты езжай за железом. Я кивнул, но всё равно на секунду задержался. Справишься? спросил я. Она усмехнулась. Я тут не первый раз стою. И я уехал. Авторынок встретил меня шумом, гулом и запахом масла. Я ходил между рядами, спрашивал, сравнивал, искал нужные детали. Сначала казалось сложно, но потом как-то само стало понятно где смотреть, к кому подходить, как говорить. К обеду всё было куплено. По дороге домой Настя показала на проплешины в поле. Видел сурков

спросила она. Я кивнул. У меня есть капканы и ружье пояснила она. А их что едят спросил я. Она рассмеялась. У нас все едят пояснила она. Я вернулся на стан уже ближе к полудню. Егорыч встретил меня у техники. Ну что, кладовщик, сказал он, глядя на запчасти. Не заблудился? Нет, ответил я. По дороге я видел сурков. Он кивнул. Значит, толк из тебя будет. И впервые это прозвучало не как шутка, а как факт. Я поставил коробки рядом с КамАЗом и посмотрел на стоянку. Работа уже кипела. И я снова оказался внутри неё как часть большого, шумного, живого механизма, который не останавливается ни на день. Когда мы закончили с КамАЗом, Егорыч вытер руки ветошью и посмотрел на меня. У тебя есть где заночевать в посёлке? Да, ответил я. Он кивнул. Тогда вечером уезжай. У Насти капканы есть. Поставишь. Завтра свежего мяса поедим. Сказал это так буднично, будто речь шла о самом обычном деле. К вечеру я снова был в посёлке. Настя встретила меня как родного. Обняла, чмокнула в щёку и тут же потащила в дом. Маня сидела в углу и смотрела своим рассеянным, невидящим взглядом куда-то сквозь людей. Я рассказал ей просьбу Егорыча и мы собрав снаряжение выехали в степь где расставили десять капканов. Проезжая через магазин купили бутылку вина. Но дома уже были Настины подруги. На столе уже стояли закуски, бутылка вина и чашки. Ну что, дорожник, засмеялась одна из женщин. Садись. Мне налили полный стакан. Я выпил. После тяжёлой рабочей недели вино ударило в голову быстро. Стало легко

и весело. Кто-то включил музыку. Начались танцы. Дом сразу наполнился смехом, разговорами и топотом ног. Я ещё не успел толком освоиться, как одна из девушек обняла меня за плечи и закружила по комнате. Все засмеялись. Но Настя неожиданно шагнула вперёд и убрала её руку. Не приставай к парню, сказала она. Девушка сразу нахмурилась. Ты что, купила его, что ли? В комнате на секунду стало тихо. Настя посмотрела на неё спокойно. Да нужен он мне больно, ответила она. Просто не пугай человека. Кто-то хихикнул. Кто-то перевёл разговор на другую тему. Напряжение быстро растаяло. Через минуту все снова смеялись и спорили о чём-то своём. А я сидел за столом, слушал разговоры и думал о том, как странно повернулась жизнь. Ещё совсем недавно я не мог найти работу. А теперь у меня были свои люди, свои заботы, своя дорога и место, где меня встречали с улыбкой. За окном темнело. Где-то в сарае звякнула цепь. Настя посмотрела на меня и сказала: Не засидимся. Утром капканы проверять. Я кивнул. Работа и здесь находила человека раньше, чем он успевал отдохнуть. Гости начали расходиться уже ближе к ночи. Сначала ушла одна подруга, потом вторая. Во дворе ещё некоторое время слышались их голоса и смех, потом всё стихло. Маня собрала со стола посуду и, не говоря ни слова, ушла в свою комнату. В доме стало тихо. Только старые часы на стене мерно отсчитывали время. Я помог Насте получить удовольствие и кончил сам. Но желание еще осталось. Хватит, сказала она. Иди отдыхай. Завтра вставать затемно.

Но спать ещё не хотелось. Мы вышли на крыльцо. Ночь была тёплая. Над посёлком висели звёзды, такие яркие, какие бывают только далеко от города. Настя присела на ступеньку. Завтра капканы проверим, сказала она. Муж ещё ставить научил. Я сел рядом. Некоторое время мы сидели молча. Где-то вдалеке залаяла собака. Потом ей ответила другая. Настя вдруг улыбнулась. Егорыч хитрый. Почему? Потому что знает, что сам ты на охоту не согласишься. Я рассмеялся. Это точно. Ничего, научишься. Она поднялась. Всё. Спать. Утром меня разбудил стук в дверь. За окном только начинало светать. Настя уже была на ногах. На столе стоял чайник, лежал хлеб и вчерашняя жареная рыба. Завтракай быстро, сказала она. Пока солнце не поднялось. Через полчаса мы уже ехали вдоль берега. Трава была мокрой от росы. Брюки сразу промокли до колен. Вот видишь бьётся зверек сказала она, показывая на узкую звериную тропу. Я присмотрелся. Сначала ничего не увидел. Потом заметил множество следов и пыль у норки.. Лиса? Нет сурок произнесла она и подойдя к зверьку оглушила его. Она присела на корточки и начала показывать, как правильно устанавливать капкан, как маскировать его травой и землёй. Я внимательно смотрел и повторял за ней. Работа оказалась не такой простой, как казалось со стороны. Когда закончили с последним капканом, солнце уже поднялось над деревьями. Настя выпрямилась и посмотрела на меня. Ну вот. Теперь вечером проверим. А если что-нибудь попадётся? Она усмехнулась. Тогда Егорыч

своё свежее мясо еще получит. Мы переглянулись и поехали обратно к дому. На стан я вернулся уже после обеда. В кузове лежали три тушки, уже разделанные и подготовленные. Мужики сразу потянулись смотреть добычу. Ого, привистнул кто-то. Неплохо. Тётя Маша вышла из вагончика, вытерла руки о фартук и внимательно осмотрела мясо. Потом усмехнулась. Так мы скоро разжиреем на твоих харчах. Все засмеялись. Раньше на каше сидели, а теперь у нас и рыба, и мясо, продолжала она. Ещё немного, и начальство нас на курорт отправит. На курорт тебя отправят посуду мыть, тут же поддел её кто-то из рабочих. Снова раздался смех. Егорыч тоже подошёл посмотреть. Покрутил головой, оценивая добычу. Молодец, сказал он. Польза от тебя есть. Для Егорыча это была почти высшая похвала. Потом он задумался и добавил: Если будет хорошая рыба, надо закоптить. Я посмотрел на него. Сказать Насте? Скажи. Пусть крупную собирает. Сделаем коптильню, мужиков побалуем. Хорошо, ответил я. Весь остаток дня прошёл в работе. КамАЗ снова вышел на линию. Техника гудела, люди суетились, а я мотался между складом, стоянкой и кухней. К вечеру тётя Маша уже приготовила часть мяса. Запах стоял такой, что мужики начали собираться возле столовой задолго до ужина. Маша, готово уже? каждые пять минут спрашивал кто-нибудь. Отстаньте, проглоты, отмахивалась она. Но сама улыбалась. Когда наконец всех позвали к столу, ужин получился почти праздничным. Мужики ели молча, только слышалось посту-

кивание ложек да редкие одобрительные возгласы. Хорошее мясо, сказал Матвей. Это не мясо хорошее, ответил Егорыч. Это охотник у нас появился. Все посмотрели на меня. Я только пожал плечами. А про себя подумал, что ещё месяц назад даже представить не мог такую жизнь. Днём дорога и техника. Утром рыбалка. Иногда охота. А вечером сидишь среди людей, которые уже считают тебя своим. И от этой мысли на душе становилось тепло.

Глава 10

По согласию всей бригады меня освободили от работы с наказом наловить рыбы и накопить её. Уже вечером я отправился один проверять капканы, чтобы не ездить лишний раз в посёлок и обратно. У первого капкана я встретил парней из посёлка. Мы поздоровались. Они сразу узнали, что я из дорожной бригады, да и машину мою знали. Ребята помогли мне с охотой и разделкой тушек и я подарил им шкурки, а потом я подвёз их до посёлка. Давай заедем ко мне, предложил Ербол. Согласившись я заехал к нему домой. Его жена была русской и работала учительницей в школе, поэтому обладала хорошо поставленным громким голосом. Встретила она меня очень приветливо. Попив чаю и поговорив о жизни, мы спустились в подвал, который служил овощехранилищем и принадлежал отцу его жены который был фермером. В подвале висела боксёрская груша, и пацаны регулярно тренировались на ней после школы. Там же я узнал, что у Ербола были непростые отношения с тестем. Отец же-

ны так и не смог принять зятя-иноверца и постоянно напоминал об этом при каждом удобном случае. Мы сидели за небольшим столом, пили домашнее вино, курили травку и разговаривали о жизни. Ербол рассказывал о работе, о семье, о том, как непросто бывает жить между двумя мирами уважать традиции своего народа и одновременно находить общий язык с родственниками жены. Я слушал его и понимал, что у каждого человека свои заботы и свои испытания. Время летело незаметно. За разговорами мы допили вино, поднялись из подвала и ещё долго сидели во дворе. Ночь была тихой и тёплой, а над посёлком ярко светили звёзды. Ербол пошел домой а пацаны привели девчонок. Мы разожгли во дворе костер и стали готовить из сурка шулюм. Девушки тоже покурили. и Света согласилась пойти со мной переспать в комнату которая находилась в подвале. Мы так накурились травки что потеряли контроль, Мы сидели на матрасе и забыли зачем пришли. Пацаны хотели мне угодить и оставили меня на ночь в подвале с ней. Проснувшись ночью я обнаружил голое тело девушки и не удержался и воспользовался ею. Секс был спонтанным и не принес мне особых удовольствий. Но я чувствовал что изменил Насте. Утром я приехал к Насте и сразу признался, что изменил ей с другой девушкой. Она внимательно посмотрела на меня, улыбнулась и спокойно сказала: Ты мне не муж, можешь не оправдываться. Но за признание спасибо. Мне приятно, что ты ценишь наши отношения. К тому же мне уже вчера доложили, что

ты был с другой девчонкой. От её слов мне стало немного не по себе. Я ожидал обиды, упрёков или хотя бы недовольства, но Настя отреагировала совершенно спокойно. Наверное, именно это и задело меня больше всего. Она налила нам чаю, и мы ещё долго разговаривали. Каждый из нас понимал, что наши отношения были особенными, но никто не строил иллюзий и не давал обещаний, которые не смог бы выполнить. После разговора стало как-то легче. Камень, который я носил на душе с самого утра, будто исчез. Настя не устраивала сцен и не задавала лишних вопросов. Она просто приняла мои слова такими, какими они были. Мы сидели на кухне, пили чай и смотрели в окно. Посёлок постепенно просыпался. По улице проезжали машины, где-то лаяли собаки, а со дворов доносились голоса людей, занятых своими утренними делами. Главное, не ври самому себе, сказала Настя. Остальное пережить можно. Я запомнил эти слова. Тогда они показались мне простыми, но со временем я понял, сколько в них было смысла. Мы съездили на рыбалку и вытащили из сетей целый мешок рыбы. В основном попадались хорошие сазаны, так что улов получился на славу. Я передал Насте просьбу Егорыча насчёт копчения. Настя сразу взяла дело в свои руки и распорядилась Мане: Разрежь рыбу по спине и хорошо посоли. Работа закипела. Одного крупного сазана мы решили не солить, а приготовить из него хе. Рыбу почистили, нарезали тонкими кусочками, добавили лук, специи и уксус. Уже через несколько часов закуска

была готова. Сурков тоже разделали и засолили. Их решили коптить вместе с сазанами, когда мясо и рыба как следует просолятся. Запах от засолки стоял такой, что мужики то и дело заглядывали проверить, когда же можно будет снять первую пробу. Дорога была знакомой до каждого поворота. Степь тянулась до самого горизонта, а лёгкий ветер гонял по обочине сухую траву. Когда я подъехал к стану, ребята уже были на работе. Ну что, рыбак, привёз улов? крикнул кто-то из бригады. Будет вам и рыба, и копчёности, ответил я. Мужики засмеялись, я, передал повару чашку с готовым хе из сазана и переодевшись, отправился к реке проверять снасти. Вода тихо плескалась у берега, словно обещая хороший улов. В такие минуты жизнь казалась простой и понятной: работа, друзья рядом, впереди целый день и никаких особых забот. Вечером, когда жара спала и солнце уже клонилось к горизонту, я один отправился проверять сети. Лодка мягко скользила по спокойной воде, оставляя за кормой едва заметный след. Река словно замерла перед наступлением ночи. Лишь изредка всплескивала рыба да кричали где-то в камышах утки. Мне нравились такие минуты. Никто не отвлекал разговорами, не торопил и не задавал вопросов. Только я, лодка и бескрайняя гладь воды. Подойдя к первой сети, я взялся за верёвку. Сеть пошла тяжело, и я сразу понял рыба есть. Медленно выбирая её из воды, я снимал одного сазана за другим. Крупная рыба билась в ячейках, окатывая меня холодными брызгами. Некоторые экземпляры были такими

увесистыми, что приходилось придерживать сеть двумя руками. К тому времени, когда я закончил с первой сетью, на дне лодки уже серебрилась хорошая куча рыбы. Над рекой медленно опускались сумерки, а на противоположном берегу зажигались редкие огоньки посёлка. Проверив остальные сети, я окончательно убедился, что улов удался. Лодка заметно осела в воду под тяжестью добычи. Я направился к берегу. Тёплый вечерний ветер обдувал лицо, а я смотрел на закат, окрашивавший реку в золотисто-красные цвета. В такие минуты казалось, что ничего больше и не нужно для счастья: хорошая работа, богатый улов и чувство полной свободы среди степи и воды. Когда я причалил к берегу, уже почти стемнело. Впереди ждали коптильня, вечерние разговоры у стола и довольные лица мужиков, которые утром обязательно оценят сегодняшней улов. Вечером вся компания собралась за большим столом. Попробовали свежеприготовленное хе, похвалили Настю за её мастерство и ещё долго сидели, разговаривая о работе, охоте и рыбалке. В такие вечера особенно чувствовалось, что наша небольшая бригада стала почти одной семьёй.

Глава 11

Взяв одного крупного сазана, я поехал к Ерболу. Когда подъехал, он с пацанами снова был в подвале. Света с Таней тоже оказались там. Увидев меня, все сразу оживились. Я открыл багажник и показал свой трофей. Вот это сазан! присвистнул кто-то из ребят. Ербол только улыбнулся и по-

вёл меня в дом. Рая! крикнул он с порога. Иди посмотри, что Мишка нам привёз! Из кухни вышла его жена Рая. Увидев рыбу, она всплеснула руками: Ой, какой кабан! Ероха, давай быстрее чисти его! Хочу жирной жареной рыбы и обязательно хе! Мы вышли во двор. Ербол быстро раздал указания пацанам: Так, вы чистите рыбу. Потом порежете её на куски. Только аккуратно, не испортите. Ребята без лишних разговоров взялись за дело. Ербол пользовался в посёлке непре- каемым авторитетом. Его уважали и взрослые, и молодёжь. Он никогда не повышал голос без причины, но если что-то говорил, его слушали с первого раза. Во дворе сразу закипела работа. Один чистил чешую, другой носил воду, третий готовил доски для разделки. А из открытого окна уже доносились голоса женщин и запах жарящегося лука. Я смотрел на всю эту суету и невольно улыбался. Было приятно видеть, как обычный сазан превратился в настоящий повод для маленького праздника. В таких посёлках люди умели радоваться простым вещам, а хороший улов всегда собирал вокруг себя друзей, соседей и родственников. Света и Таня переглядывались и явно кокетничали, не скрывая интереса. В какой-то момент они подошли ко мне почти одновременно, смеясь и переговариваясь между собой. Ты у нас прямо героиней дня, сказала одна из них. Обе выглядели расслабленно и весело, как будто вся эта суета с рыбой и работой была для них обычным развлечением. Мы спустились в подвал и выкурили один косяк на троих. Стало хорошо и мы хохотали.

Сняв трусы они по очереди обняли меня за бедра и сделали мне миньет, а я похлопал их по попкам и хохотал. Всё это было легко, без напряжения, как принято в компании, где все друг друга давно знают. С тобой не скучно, добавила одна из них, отходя в сторону. Я только усмехнулся, чувствуя, как вокруг снова возвращается шум двора, запах рыбы и общий живой хаос, в котором каждый был занят своим делом. А Ербол, как и всегда, спокойно наблюдал за происходящим, не вмешиваясь, но держал ситуацию под контролем как человек, к которому здесь по привычке прислушивались все. Но когда я увидел две попки направленные на меня не удержался и воспользовался ими. Кайф от травы снижал чувствительность от секса но сам процесс был прикольным. Пацаны ходили рядом и не мешали мне. Затем пришел Ербол и позвал кушать рыбу. Рыба получилась горячая, жирная и удивительно вкусная. Стол быстро опустошался, и каждый раз кто-то просил добавки. Вокруг стоял шум разговоров, смех, запах жареного и свежей рыбы. Рая особенно старалась создавать настроение за столом. Она хвалила меня за щедрость и удачный улов, будто именно я организовал весь этот маленький праздник. При этом я заметил, что большую часть работы по кухне действительно делала Вика её подруга и соседка. Она тихо и уверенно крутилась у плиты, не привлекая лишнего внимания. Сама Рая почти не занималась делами по дому за неё многое делали подруги или те, кого Ербол легко мог попросить помочь. Он, казалось, берёг её от лю-

бой бытовой суеты, предпочитая, чтобы всё было устроено вокруг неё без лишних забот. Пацаны быстро справились с чисткой и разделкой рыбы, и застолье плавно перешло в более свободную атмосферу. Кто-то включил музыку, кто-то уже начал пританцовывать прямо во дворе. Смех стал громче, разговоры проще. Ербол, как обычно, не пил спиртного. Он оставался спокойным и собранным, наблюдая за происходящим со стороны. Но травку курил с завидным постоянством и не терял рассудка. А Рая, наоборот, уже попробовала вина и стала заметно более разговорчивой. Настроение у всех поднялось, и вечер постепенно превратился в шумное, живое гуляние, где каждый находил себе место. Музыка становилась громче, двор наполнился движением. Кто-то уже открыл вторую бутылку вина, разговоры стали более смелыми и громкими. Люди словно забыли про усталость и работу, остался только вечер и общее настроение праздника. Я сидел чуть в стороне, наблюдая за происходящим. Ербол всё так же держался спокойно, но по нему было видно, что он доволен: дом ожил, двор наполнился людьми, и всё шло так, как он привык организовывать. В какой-то момент кто-то предложил выйти ближе к реке, подышать воздухом. Компания разделилась: часть осталась у стола, остальные потянулись к берегу. Я тоже пошёл вместе с ними. Над рекой уже опускалась ночь. Вода стала тёмной, почти чёрной, только редкие блики от огней посёлка дрожали на поверхности. Где-то в камышах кричала птица, и этот звук странно переключался

с музыкой, доносившейся со двора. Ербол шёл рядом, молча глядя вперёд. Потом он коротко сказал: Здесь всё просто. Работаешь живёшь нормально. Не работаешь сам себе враг. Я кивнул, понимая, что в его словах нет ни философии, ни пафоса только его жизненное правило. Мы постояли у воды ещё немного, потом вернулись обратно. Вечер продолжался, но уже в более спокойном ритме. Люди постепенно уставали, разговоры стихали, кто-то уже сидел молча, глядя в огонь или в темноту двора. Я чувствовал, что этот день постепенно подходит к концу, оставляя после себя тяжёлый, но тёплый след запах рыбы, смех, голоса и ощущение странной, но настоящей общности. Ербол признался что у него есть маковое поле и они доят коробочки. Что это спросил я . Он протянул мне таблетку вот прими и узнаешь что это. Таблетка тяжело прошла в горло и мне сразу стало хорошо .Организм взбодрился и захотелось кушать . Я вспомнил про Настю и дошел до ее дома . Дверь была открыта и я вошел . Постель ее была пуста . Я разделся и лег . Все это я делал на автомате. Мне казалось что я контролирую все. Но когда подомною оказалась Маня я уставился на ее внимательное лицо и замер. Она мычала м трогала мой нос . Как скрипнула дверь я не слышал . Настя стащила меня с умалишенной девушки и дала пощечину . но я лежал голый и хохотал. Она села рядом и заплакала . Я проснулся на полу. Рядом лежала Настя и Маня. Я встал хотелось пить ,я налил заварки и выпил. Ты хоть помнишь, что вчера было спросила На-

стя. А что было спросил я садясь за стол. И Настя рассказала в красках. Мне было стыдно за себя. Тебя, наверное Ербол наркотой накачал спросила она. Я кивнул головой. Поехали проверять рыбу, сказала Настя с какой-то усталой задумчивостью. Мы выдвинулись к озеру. Утро было тихим, вода спокойная, только лёгкий ветер шёл по камышам, шурша сухими стеблями. На месте мы проверили улов, и пойманную рыбу аккуратно разделали: разрезали по спине, чтобы лучше просолилась, и разложили на засолку. Работа шла привычно, без суеты каждый знал, что делать. Маня всё время ходила рядом. Она странно поглядывала на меня, будто что-то хотела сказать, но не решалась. Иногда она слегка касалась моей руки или плеча, задерживаясь на секунду дольше, чем это обычно бывает между людьми, которые просто работают вместе. Я делал вид, что не замечаю, продолжая заниматься делом, но внутри чувствовал это странное напряжение, которое иногда возникает в таких тихих местах, где людей немного, а разговоров ещё меньше. Настя молча наблюдала за нами, не вмешиваясь. Только ветер, вода и тихий плеск рыбы о борт лодки нарушали тишину этого дня.

Глава 12

У Насти была своя коптильня, и мы начали готовить всё к горячему копчению. Это было уже привычное дело каждый знал свой шаг, и работа шла быстро. Первую партию рыбы мы промыли от лишней соли и развесили сушиться на крючках и перекладах. Рыба тихо покачивалась на ветру, отда-

вая лишнюю влагу, а вокруг стоял тот самый знакомый запах соли и реки. Потом мы поехали на пилораму за опилками без них копчение не получится. Дорога была короткой, и вскоре машина уже была загружена мешками с древесной стружкой. По пути обратно кто-то предложил заехать к реке. Мы остановились, и, не раздумывая долго, искупались в холодной воде. Вода освежила после всей беготни и работы, будто смыла усталость последних дней. К вечеру мы вернулись домой. Настя сразу начала готовить коптильню: проверяла решётки, раскладывала рыбу, готовила место для дыма. Мне оставалось главное разжечь опилки. Когда всё было готово, мы развесили сазанов внутри коптильни. Первый дым медленно пошёл вверх, густой и ароматный. Он заполнил двор, смешавшись с вечерним воздухом. Так начиналось горячее копчение спокойное, размеренное, почти ритуальное. И в этом простом процессе было что-то настоящее: труд, еда и ощущение, что день прожит не зря. Ночь постепенно опустилась на посёлок, и двор затих, но коптильня продолжала жить своей отдельной жизнью. Дым шёл ровно, густыми струями поднимался вверх и растворялся в тёмном небе. Пахло горячей щепой и рыбой этим особенным запахом, который потом долго остаётся в памяти. Мы по очереди выходили проверять процесс. Огонь нужно было держать ровным, не давая ему разгореться слишком сильно. Я подкидывал опилки, слушал, как внутри тихо потрескивает дерево, и смотрел на тёмные силуэты развешанных сазанов. Настя

сидела рядом на лавке, укутавшись в куртку. Она выглядела усталой, но довольной. Иногда поднималась, подходила к коптильне, смотрела внутрь и снова возвращалась обратно. Главное не перегреть, сказала она тихо. Тогда рыба будет как надо. Я кивнул. В такие моменты лишние слова были не нужны. Чуть позже подошли и остальные. Кто-то принёс чай, кто-то просто молча стоял рядом, глядя на дым. Разговоры были короткие, ленивые, будто все сэкономили силы на утро. Когда первая партия была готова, мы осторожно сняли одну рыбу и разломали её прямо на доске. Мясо было мягкое, горячее, с золотистой корочкой и запахом дыма, который перебивал всё вокруг. Вот это уже дело, сказал кто-то из пацанов. Все попробовали по кусочку. Даже те, кто обычно много говорил, в этот момент замолчали. Настя посмотрела на меня и впервые за вечер улыбнулась по-настоящему спокойно. Не зря возились, сказала она. И в этой простой фразе было всё: усталость дня, работа, дорога, река и этот длинный путь от сырой рыбы до горячего копчёного сазана, который теперь лежал перед нами, как результат всей нашей суеты. Утром я взял три сазана и поехал на стан. Ещё издалека ребята почували запах копчёной рыбы такой густой, дымный, что сразу стало понятно: завтрак сегодня будет особенный. Стоило мне зайти, как бригада начала просыпаться быстрее обычного. Кто-то уже тянулся к чайнику, но почти все отказались от привычного завтрака. Да какой завтрак, когда такая рыба есть, бурчали мужики, разбирая куски. Копчёный сазан

разошёлся мгновенно. Ели прямо стоя, кто-то смеялся, кто-то просил добавки, и только работа на минуту будто отошла на второй план. Чо за рыба без пива? ворчали некоторые, переглядываясь. Егорыч, как всегда, держал дисциплину и сухой закон. Он спокойно смотрел на всё это и только усмехался. В понедельник будет и пиво, и бабы, пообещал он, не теряя своего строгого тона. А сейчас работаем. Мужики недовольно, но с пониманием закивали. Рыба была слишком хороша, чтобы долго спорить. Стан постепенно ожил окончательно: запах дыма смешался с утренним воздухом, чайник закипел, и день снова пошёл своим обычным рабочим ходом но уже с ощущением, что утро удалось. После рыбы настроение у всех было заметно лучше. Даже самые хмурые с утра мужики разговаривали уже не так резко, шутили, подтягивали инструменты и готовились к работе. Я убрал остатки рыбы в тень и пошёл к машине. День на стане снова начался в своём привычном ритме: шум техники, перекличка бригады, короткие распоряжения Егорыча. Он прошёл мимо, окинул взглядом стан и сказал: Ну что, разогрел народ с утра? Старался, ответил я. Егорыч кивнул, будто это было частью плана, и пошёл дальше раздавать задания. Работа пошла плотнее обычного. После такого завтрака никто не тянул время. Даже те, кто обычно долго раскачивался, сегодня двигались быстрее будто рыба добавила сил не только в желудок, но и в общий настрой. К обеду разговоры снова вернулись к обычным темам: техника, дорога, погода, планы на

неделю. Но время от времени кто-то ещё вспоминал утренний вкус копчёного сазана и довольно качал головой. Вот это ты нам праздник устроил, сказал один из ребят, проходя мимо. Я только усмехнулся и продолжил работу. Стан снова стал таким, каким он и должен был быть: шумным, рабочим, немного уставшим, но живым. И где-то внутри оставалось ощущение, что такие простые утренние вещи иногда задают настроение целому дню. Вечером я уехал к Насте, чтобы с утра вместе выдвинуться в город нужно было закупить мужикам пиво, как и обещал Егорыч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.